А. Р. УСМАНОВА

Усманова Альмира Рифовна
кандидат философских наук
профессор, департамент медиа,
Европейский гуманитарный университет
Литва, LT-01114, Вильнюс, ул. Тауро, 12
Тел: +37052639655
E-mail: almira.ousmanova@ehu.lt

Онтологии множества, капитал и цифровое будущее: заметки на полях

Аннотация. Данный текст представляет собой развернутую преамбулу к рубрике, посвященной современным дискуссиям среди постмарксистских теоретиков о трансформации капитализма в цифровую эпоху. Прослеживая преемственность между классическими марксистскими идеями и современными подходами к анализу взаимообусловленности политических режимов, экономических процессов и новых технологий, автор уделяет особое внимание контекстуальному прояснению тех вопросов, которые подробно обсуждаются в статьях, вошедших в эту рубрику, а именно: что означает тезис об «освобождении труда» в постфордистской экономике (или — «что не так» с программой полной автоматизации труда в сценарии Четвертой промышленной революции); как и почему категория «множества» стала «полезной категорией» социального анализа в постмарксистских концепциях и, наконец, могут ли новые технологии в условиях капиталистического status quo, тем не менее, открывать новые возможности не только для тех, кто превращает знание в еще одну разновидность товара, но и для тех, кто связывает перспективу освобождения знания с «коммунистической гипотезой».

Ключевые слова: онтологии множества, постмарксизм, когнитивный капитализм, дивидуум, hi-tech неолиберализм, идеология, общество контроля, четвертая промышленная революция, труд

Цель данной рубрики — дать представление о том, в каком ключе представители современной критической теории (прежде всего в лице постмарксистских теоретиков) обсуждают проблему взаимообусловленности социальных отношений, экономических процессов и новых технологий. Исходной точкой этих дискуссий является понимание того обстоятельства, что

© А. Р. УСМАНОВА

«освоение новых коммуникационных и информационных технологий миллионами людей глубоко меняет базисные параметры парадигмы политической экономии и исторического капитализма» [Мулье-Бутан 2007: 199].

Среди основных представителей этого направления критической теории стоило бы упомянуть таких авторов, как Дэн Шиллер, Марк Постер, Марк Андреевич, Джоди Дин, Александр Гэллоуэй и др.[1] И, конечно же, — Славой Жижек [Жижек 2011]. Во всяком случае именно их работы являются ключом к пониманию тех социальных эффектов, которые связаны с осмыслением гегемонной роли техно-опосредованных форм коммуникации, и их причастности к утверждению новых форм неравенства, дискриминации и трудовой эксплуатации.

Между тем ключевые тезисы (пост)марксистской традиции, связанные с ролью техники в развитии общества, были сформулированы задолго до того, как свершилась коммуникативная революция, которую принесли с собой новые информационные технологии. Еще в середине XIX в. Карл Маркс писал о том, что техника, создаваемая людьми, представляет собой «овеществленную силу знания» (продукт коллективной интеллектуальной деятельности), развитие и использование которой подчиняется определенной социальной логике. Так, применение машин и автоматизация производства сокращают время труда и освобождают человека, но социально-экономическая система использует освобожденных индивидов и их время сообразно «своим» задачам. В условиях капитализма это означает следующее: чем более совершенным является машинно-интеллектуальный ассамбляж, тем больше трудовых усилий требуется от «рабочих»[2], т. е. машина способствует «оптимизации их эксплуатации» ([Маркс 1969: 120–121], см. также: [Рауниг 2005]).

Преемственность между разными поколениями марксистских теоретиков проявляется также в приверженности тезису о том, что революционные изменения в развитии технологий не могут рассматриваться в качестве автономной составляющей социального прогресса. Соответственно, о чем бы ни шла речь сегодня, будь то конвергенция медиа, «облачные» сервисы, цифровая глобализация, информационный надзор, медиатизация образования, новые практики сопротивления, цифровой разрыв, — с точки зрения постмарксистской теории, во-первых, все эти феномены необходимо исследовать в их диалектической взаимообусловленности и с точки зрения общей социальной логики (логики Капитала), которой они подчиняются; во-вторых, следует осторожно оценивать «эмансипаторную» роль техники и технологий, развитие которых порождает иллюзию равных возможностей (прежде всего по причине демократизации доступа к средствам производства), но при существующем социально-экономическом порядке эффекты «освобождения» (труда, времени, инди-

[1] См.: [Schiller 1999; Poster 2006; Andrejevic 2007; Dean 2010]. Этот перечень, разумеется, не полный. При этом гораздо большую известность приобрели научно-популярные издания, написанные известными блогерами и интернет-активистами, которые в полной мере разделяют скепсис левых теоретиков в том, что касается «темной стороны» цифровой революции. Можно в этой связи упомянуть книги Эндрю Кина [Кин 2016] и др.

[2] Заключая «рабочих» в кавычки, я имею в виду как исчезновение рабочего класса в классическом его понимании, так и пролетаризацию интеллектуального труда в условиях креативной экономики.

вида) приносят огромные прибыли одним, а для других оборачиваются пролонгацией времени труда, увеличением безработицы, невидимым возрастанием (и возрастающей невидимостью) эксплуатации.

Теоретическое обоснование идеи коммунизма также было и продолжает оставаться тесно связанным с вопросом о развитии науки и техники. Карл Маркс и Фридрих Энгельс писали в «Немецкой идеологии» о том, что развитие производительных сил является материальной предпосылкой коммунизма [Маркс, Энгельс 1955]. Для советских марксистов, сделавших задачу построения коммунизма своей главной целью, не подлежало сомнению, что интенсивное развитие производительных сил приведет к значительному облегчению и упрощению способов «добычи пищи, одежды и крова», и вследствие этого «элементы принудительности в общественной организации» будут сведены к минимуму [Троцкий 1927: 286]. Более того, технике отводилась роль катализатора в формировании коммунистических форм труда и распределения. Как утверждал Лев Троцкий в середине 1920-х годов, «переход от социализма к коммунизму не нуждается в революциях, ибо целиком зависит от технической мощи общества» [Там же].

Сегодня постмарксистские теоретики всё настойчивее отстаивают необходимость обновления идеи коммунизма. Рассмотрение этого вопроса из перспективы трансформации условий «освобождения труда» в постфордистской экономике (автоматизация, информационализм, соотношение нормативного и креативного, материального и нематериального труда) позволяет увидеть, что обсуждение Идеи коммунизма разворачивается сегодня не только вокруг вопросов об освобождении Утопии от груза Истории (опыт реального социализма) и не только в связи с политической повесткой протестных движений (против капитализма как глобальной Системы), но также в связи с радикальной мутацией капитализма в условиях нового технологического ландшафта.

С точки зрения левых мыслителей и многих киберактивистов, «новый мировой порядок» (New World Order) всецело подчинен идеологии hi-tech неолиберализма. Речь идет не только о капитализме как безальтернативной модели экономического развития и о неолиберальном дискурсе «демократии», обеспечивающем капитализму идеологическое алиби в развитых странах, но и в целом — об обществах (с различным политическим устройством и различной степенью технологического развития), в которых практики контроля вместе с невидимой эксплуатацией оказываются практически ничем не ограниченными, где фактически каждый «клик», с одной стороны, является источником информации об индивидах для политической власти, а с другой — приносит огромную прибыль корпорациям, владеющим теми или иными интернет-ресурсами или программными продуктами либо использующим новые технологии слежения для маркетинга своих товаров.

Отсутствие политических альтернатив в современной ситуации во многом обусловлено технологическими возможностями, которыми сегодня обладают страны первого мира и которые обеспечивают их глобальное экономическое превосходство: здесь капиталистическая экономика и новые технологии выступают политическими союзниками. Для критиков капитализма это означает необходимость «апгрейда» теории и разработки таких сценариев изменения, которые учитывали бы технологические реалии современной экономики.

Важно понять, в каком направлении и какими акторами осуществляется сегодня создание иной политической, экономической и, что немаловажно, идейной альтернативы. Вопрос можно сформулировать так: могут ли новые технологии в условиях капиталистического status quo, тем не менее, открывать новые возможности не только для тех, кто превращает знание в еще одну разновидность товара, но и для тех, кто нацелен на утверждение «коммунизма знаний»?

* * *

Открывающая рубрику статья **Д. С. Бойченко** «Уничтожение труда: капитализм, информационализм и прерванная история автоматизации» посвящена анализу роли технологий автоматизации в рамках эволюции индустриального и информационального капитализма[3]. Актуальность этой темы, по мнению Бойченко, обусловлена ажиотажем вокруг дискурса о «четвертой промышленной революции», который вызывает большой скепсис со стороны левых теоретиков.

Тема «четвертой революции» приобрела необычайную популярность в последние 3–4 года, однако необходимо иметь в виду, что в этом дискурсе контаминированы две истории: история промышленных революций и история эпистемологических переворотов[4]. Автор статьи не упоминает одного из главных идеологов «четвертой промышленной революции» — Клауса Шваба, швейцарского экономиста, однако о его роли в продвижении этой темы следовало бы сказать отдельно (по причинам, о которых пойдет речь ниже). «Mastering the Fourth Industrial Revolution» — так была обозначена ключевая тема 46-го Всемирного экономического форума в Давосе, который прошел в 2016 г. И, что предсказуемо, именно об этом шла речь в докладе Шваба — основателя и президента Давосского форума. За убедительность его аргументов отвечали топ-менеджеры IT-гигантов — Facebook, Alibaba Group, Airbnb, Baidu.com, Cisco, Dell, Hewlett Packard, Google — словом, всех тех компаний, которые являются наиболее прибыльными в этом секторе. Вышедшая вскоре книга Шваба практически мгновенно была переведена на множество языков (включая русский [Шваб 2016]), и, учитывая статус и влияние как ее автора, так и форума в Давосе, не стоит удивляться, что ее основные тезисы приобрели характер «программы на будущее» для наиболее сильных в экономическом отношении стран[5].

Мне представляется, что текст Дмитрия Бойченко и книгу Клауса Шваба нужно читать, открыв их одновременно на двух экранах. В бодро-оптимистичном и идеологически утешительном манифесте Шваба представлена совершенно определенная картина мира — ви́дение социального прогресса, которым управляют «богатые и успешные» — хорошо образованные, способные «революционно» мыслить и принимать правильные решения.

[3] В виде небольшого отступления хотела бы отметить, что нет ничего удивительного в том, что для «наследников Маркса» капитализм был и остается главным объектом исследования — в известном смысле марксизм как теория сам является продуктом (первой) промышленной революции.

[4] В получившей широкую известность книге Лучано Флориди [Floridi 2014] цифровой поворот представлен как четвертая революция в истории наук об обществе — после Коперника, Дарвина и Фрейда.

[5] Хотя справедливости ради нужно сказать, что сам Шваб ссылается на опыт Германии, где обсуждение идеи «Индустрии 4.0» началось несколько лет назад.

Но при внимательном, а главное — критическом прочтении обнаруживается немало «темных» мест, если не сказать — зияющих пустот. Именно эти пустоты — вопросы, на которые либо нет ответа (в рамках (нео)либеральной идеологии), либо ответы не вписываются в общую радужную картину полностью автоматизированного цифрового будущего — оказываются в фокусе внимания постмарксистских теоретиков. В то же время наиболее примечательным моментом в высказываниях Шваба является демонстрация той ловкости, с которой критика капиталистического развития, звучащая со стороны левых теоретиков, сегодня инкорпорируется в заявления правых. (Использование марксистской теории ее оппонентами в своих целях — это отдельная тема. По мнению Жака Рансьера, либерализм на свой манер перенял догмы экономизма и исторической необходимости, и в его официальной доктрине повсюду рассеяны следы «опошленного» марксизма [Рансьер и др. 2002: 128].)

Мне не хотелось бы отнимать у читателей возможность составить собственное мнение о заочной полемике между либеральными идеологами и их критиками, поэтому я сопоставлю лишь некоторые высказывания, касающиеся произошедших и грядущих изменений в сфере занятости и трансформации труда в условиях когнитивного капитализма. В книге Клауса Шваба мы можем найти, например, такие утверждения: «В ситуации, когда будут реализовываться все эти тенденции, победителями будут те, кто способен в полной мере участвовать в инновационно-ориентированных экосистемах путем предоставления новых идей, бизнес-моделей, товаров и услуг, а не те, кто может предложить только низкоквалифицированную рабочую силу или обычный капитал» [Шваб 2016], или: «Возможно, впрочем, что замена работников на машины в общем приведет к росту количества безопасных и хорошо оплачиваемых профессий» [Там же], или: «…компании должны научиться работать на основе концепции “talentism” (ориентация на высококвалифицированные кадры). Это один из наиболее важных из недавно возникших факторов развития конкурентоспособности» [Там же] и т. д. Разумеется, ведущим фактором саморегуляции при этом по-прежнему оказывается конкуренция. Относительно роста неравенства Клаус Шваб выражает «некоторую обеспокоенность» и говорит о том, что «это серьезная проблема, которую общество должно решать» [Там же]. О политическом устройстве дивного нового мира речь не идет.

Как отмечает Д. С. Бойченко, по вопросу о необходимости полной автоматизации ручного труда у левой критики и либеральных теоретиков никогда не было особых разногласий; к тому же «отношения капитала с автоматизацией длятся примерно столько же, сколько его отношения с частной собственностью, — и автоматизация и частная собственность являются центральными элементами схемы капитала» (см. с. 169 этого номера журнала). Развивая некоторые положения классического марксизма[6], автор затрагивает проблемы,

[6] Согласно Марксу, «капитал помимо своей воли выступает как орудие создания условий для общественного свободного времени, для сведения рабочего времени всего общества к все сокращающемуся минимуму и тем самым — для высвобождения времени всех [членов общества] для их собственного развития. Но постоянная тенденция капитала заключается, с одной стороны, в создании свободного времени, а с другой стороны — в превращении этого свободного времени в прибавочный труд. Если первое ему удается слишком хорошо, то он начинает страдать от избыточного производства, и тогда необходимый труд прерывается, так как капитал не в состоянии реализовать прибавочный труд» [Маркс, 1969: 122].

которые неизбежно возникают на пути к полной автоматизации (сокращение рабочей недели, введение универсального базового дохода и пересмотр рабочей этики, т. е. возвращение контроля над саморазвитием); разъясняет, в чем состоит амбивалентное отношение Маркса и его последователей к труду («труд как царство необходимости» *vs* «труд как царство свободы») в контексте разделения видов труда на «нормативный» и «креативный». Отталкиваясь от тезиса Дэна Шиллера о том, что использование новых технологий в условиях капитализма приобретает характер политического проекта по сегрегации тех, чьи навыки релевантны, и тех, чьи — нет [Schiller 1999], автор приходит к выводу о том, что «информационализм идеальным образом дополняет логику капитализма, форсируя "оптимизацию" рабочих мест».

В продолжение этой темы мне хотелось бы привести мнение известного французского теоретика-постмарксиста Андре Горца (имя которого известно русскоязычной аудитории благодаря публикациям его текстов, связанным с анализом когнитивного капитализма, нематериального труда и товаризации знания [Горц 2010]), который писал о том, что «главной задачей экономики является не снабдить всех работой и не создавать рабочие места, а создать максимальное богатство с помощью минимума сырья, капитала и труда» [Антониоли 2015: 134]. Но, как известно, экономические процессы происходят не в социальном вакууме, и в условиях рыночной экономики вопрос о том, как именно этим «максимальным богатством» (при минимизации расходов на его создание и с сокращением рабочих мест) будет распоряжаться система, основанная на примате частной собственности, — оказывается почти риторическим.

* * *

В последние годы одной из наиболее часто используемых категорий в постмарксистском дискурсе стало понятие «множества», теоретическое обоснование которого можно найти в работах Антонио Негри, Майкла Хардта, Паоло Вирно и других теоретиков. «Множество» определяется ими как особая форма объединения «общественных индивидов» (П. Вирно) и постулируется как неотъемлемое свойство демократии в глобальном масштабе [Hardt, Negri 2004: ix]. Одним из измерений этой полезности выступает установка на преодоление бинаризма классических дихотомий «коллективного / индивидуального», «общественного / частного», «публичного / приватного», которые, по мнению Паоло Вирно, утратили свою силу в современных обстоятельствах [Вирно 2013: 16, 97].

Понятие «множества», с одной стороны, дает имя новым формам политической субъективности (в связи с кризисом коллективных политических идентичностей, утратой общего социального горизонта, отказом от «мы» как проявления Единого и наметившейся тенденцией к «нерепрезентативной демократии»), а с другой — характеризует новый тип общественного производства, основанный на использовании коллективной интеллектуальности и коммуникативных компетенций.

Иначе говоря, понятие «множества» оказывается наиболее уместным для определения такого временного, нестабильного взаимодействия между индивидами, которое возникает в условиях возросшей мобильности, частой смены

места работы и вида занятости[7], а также размывания границ между временем производства и временем досуга (в этой связи стоит отметить, что хотя в статье Д. С. Бойченко не используется понятие «множества», но фактически его размышления являются развернутым комментарием к третьему тезису книги «Грамматика множества», в котором Паоло Вирно говорит о том, что «множество выражает собой кризис общества труда» [Вирно 2013: 126]).

В то же время выдвижение этого понятия на первый план имеет и другие причины. Мне представляется, что концепт «множества» является также своеобразным ответом многочисленным критикам марксизма (с поразительной легкостью возлагающим на Теорию ответственность за историю «реального социализма» в связи с якобы присущим ей «тоталитарным» импульсом и догматизмом). Однако нетрудно заметить, что дискурс капитализма как самой прогрессивной и «рациональной» модели устройства общества не менее репрессивен. С помощью категории «множества» постмарксистские теоретики ставят под сомнение механизмы и целесообразность «воспроизводства репрессивного объединения в Едином»[8] (будь то государство, нация или «великий стиль») и предлагают альтернативный взгляд в понимании современного состояния общества, показывая, «как можно мыслить свой способ единства, как работают новые формы микроколлективов и как можно объяснить их взрывное распространение и творчество» [Penzin 2010: 81].

Итак, если иметь в виду, что, с одной стороны, в условиях современной экономики всё большую роль играет внетрудовая социализация, а с другой — мы также можем видеть, что сама социальность (ее коммуникативное измерение) уже интегрирована в процесс производства, то возникает закономерный вопрос — как на практике сегодня происходит производство таких форм субъективности? И что мы можем сказать о политическом потенциале этой формы субъективности в ситуации разрушения «социального», или, точнее, как это обозначил в своей тексте Д. С. Бойченко, — в ситуации, когда социальное «колонизируется» технократической системой?

Рассмотрению этого проблемного поля посвящена статья **Г. Ю. Кореня** «Субъектность “анонимуса”: возможность “множества” в цифровом пространстве». Опираясь на концепты и идеи, сформулированные Паоло Вирно, Антонио Негри и Майклом Хардтом, автор применяет их к исследованию практик взаимодействия пользователей в Интернете, показывая, каким образом политическая категория «множества» проявляется в пространстве цифровых технологий «анонимусов».

Круг вопросов, которые интересуют автора, — достаточно широк (хотя для их детального раскрытия объема журнальной статьи недостаточно): это и проблема цифровой эксплуатации в условиях когнитивного капитализма; и вопрос о стратегиях и тактиках сопротивления «множества» пользователей Ин-

---

[7] См. более подробно о генеалогии и значении этого термина в марксистской теории: [Пензин 2006].

[8] Ален Бадью в своем эссе о Ленине, написанном еще в 1999 г. (заголовок которого — «Единица делится надвое» — вполне можно воспринять как введение в цифровую философию), пишет об этом так: «Век Двоицы подстегивается радикальным желанием Единого. Артикуляция антагонизма и насильственного Единого носит имя победы, как удостоверения реальности» [Бадью 2004: 78].

тернета практикам «цифрового надзора» и микрофизикам власти; это и возвращение к истории Интернета как пространства диалектической борьбы между экономическими субъектами (в том числе между корпорациями, стремящимися приватизировать информацию и извлечь прибыль из неоплачиваемого «цифрового труда» путем монетизации множественных форм взаимодействия в Сети) и пользователями, стремящимися развивать единое, свободное, не монетизируемое и не контролируемое корпорациями интернет-пространство.

Анализируя ситуацию перехода от «дисциплинарного общества» к «обществу контроля», Г. Ю. Корень солидаризируется с мнением Негри и Хардта о том, что описанное Мишелем Фуко «дисциплинарное общество» предполагало «рассредоточенность власти», но отличительная черта «общества контроля» состоит в том, что экспансия власти достигает такого масштаба, что «контроль распространяется далеко за пределы структурного пространства социальных институтов, действуя посредством гибких и подвижных сетей» (см. с. 192 этого номера журнала), и, как результат, даже центральное место «надсмотрщика» оказывается ненужным.

Здесь было бы уместно вспомнить о том, что категория «множества» — не единственная категория, с помощью которой постмарксистским теоретикам удается диалектически осмыслить парадоксальную сущность позднего капитализма, преображенного новыми технологиями и преобразующего с их помощью формы взаимодействия между индивидами. Так, австрийский философ Геральд Рауниг выдвигает на первый план понятия «дивидуума» и «дивидуальности» (как саморазделенности), которые, с одной стороны, содержат в себе социально-пессимистический взгляд на состояние невидимой эксплуатации, отчуждения, готовности (ин)дивидуумов к подчинению и конформизму, но, с другой — также открывают перспективу молекулярной революции, утверждения новых форм сопротивления «рассеянной», дисперсной власти (которые машинный капитализм не в состоянии ни подчинить своему контролю, ни присвоить себе на пользу). Согласно Раунигу, «алгоритмы, деривативы, большие данные и технологии социальных медиа способствуют безудержному расширению стратегий “разделяющего” управления и побуждают к саморазделению». Но, как полагает Рауниг, территория дивидуальности становится также и пространством для нового вида сопротивления, которое вполне может быть реализовано в форме con/division (или соразделения) [Raunig 2016: 191].

Идеи Геральда Раунига дают ключ к пониманию того, что представляет собой деятельность «анонимусов» и каково ее структурное место в рамках когнитивного капитализма. Г. Ю. Корень отмечает, что «анонимусы» осуществляют свою коммуникацию в местах, свободных от цензуры, а значит, и от «паноптического взора» социальных сетей, что позволяет им реализовывать собственный сценарий сопротивления в рамках освобождения знания от каких-либо цензурных либо имущественных рамок[9].

[9] В то же время сторонники «коммунизма знаний» — не единственная группа людей, делающих ставку на анонимность: наркодилеры, производители и продавцы порнографии и многие другие акторы теневой и криминальной экономики, использующие DarkNet, — сопротивляются слежке и контролю ради совсем других целей.

* * *

Статья **М. О. Жука** «Субъект в дигитальной философии: критический анализ на основе “не-философского” подхода Гэллоуэя» на первый взгляд никак не связана с дискуссиями о симбиотических отношениях между капиталистической системой и новыми технологиями, о которых идет речь в двух других статьях, вошедших в эту рубрику. Автор ставит перед собой совсем другие задачи, а именно эксплицировать теоретические предпосылки формирования дигитального мышления и выявить его отличительные особенности. Однако присутствие именно этого текста здесь неслучайно.

Как отмечает М. О. Жук, «традиционная дискуссия о дигитальном часто оказывается зажатой в прокрустовом ложе таких понятий, как *новые медиа*, *информационные сети*, *виртуальная реальность* и т. д.» (см. с. 206 этого номера журнала), поэтому необходимо «расширить границы этого дискурса, чтобы получить более глубокое понимание форм мышления, которые связаны с дигитальным». Соответственно, предлагая свой взгляд на генеалогию цифрового мышления, автор дает нам возможность задуматься о теоретическом обосновании цифрового поворота с позиций тех идей и подходов, которые сложились еще до того, как сами эти технологии стали нашей повседневной реальностью.

Здесь было бы уместно заметить, что общим теоретическим знаменателем всех текстов, представленных в этой рубрике, выступают не (New) Media Studies, а социальная критическая теория и ее направление, которое получило название «онтологии множества». Статья М. О. Жука проблематизирует те ее аспекты, которые не затрагивались в двух предыдущих текстах. Необходимо иметь в виду, что термин *онтологии множества*, используемый для обозначения тематической и мировоззренческой близости авторов, работающих с понятием «множества», с одной стороны, обозначает преемственность новых теорий с философскими концепциями Бытия, а с другой — позволяет увидеть связь между формальной онтологией (от Эдмунда Гуссерля до Нино Коккьяреллы) и способами «операционализации» этого понятия в Computer Science.

Соответственно, выделяя такие особенности дигитальной онтологии как 1) «стремление к трансцендированию имманентной реальности» и 2) «разделение Единого на множественное», автор статьи предлагает нам иначе взглянуть на уже обсуждавшийся ранее концепт «множества». Стремясь осмыслить, как «все Единое сделалось множественным», мы должны учитывать не только «социальную логику» технологических трансформаций, но и тот способ мышления, который выработал концептуальный язык для их осмысления. М. О. Жук обращается к «математической философии Бытия», разработанной известным французским теоретиком Аленом Бадью[10], в которой на первый план выдвигается тезис о необходимости математически обоснованного представления о Бытии как «множественном»; и язык, который Бадью предлагает для описания Бытия, — это язык теории множеств[11].

---

[10] Социально-философские работы которого также принадлежат к постмарксистской интеллектуальной традиции, о чем уже упоминалось выше.

[11] В числе работ, оказавших большое влияние на современных теоретиков «множества», важно упомянуть книгу [Badiou 1988] и не менее известный текст, посвященный «бытию единичному множественному» Жана-Люка Нанси [Nancy 1996].

Каким образом нейтрально-математическое представление о «множестве» превращается в политически «полезную категорию» социального анализа? Если философской квинтэссенцией современных «онтологий множества» считать тезис о том, что «единичное (singulier) во множестве противопоставляется единству (l'unité) Единого» [Тимофеева 2005], а утверждение Жана-Люка Нанси о том, что «множественность сущего лежит в основании бытия» [Нанси 2004: 31], интерпретировать как аргумент в пользу демократического устройства, радикального равенства, культуры соучастия и множественных сингулярностей, то становится более понятным и обсуждаемый в статье М. О. Жука тезис Александра Гэллоуэя о том, что задача «антидигитальной» философии состоит не в том, чтобы легитимировать некоторую выделенную позицию субъекта, а в том, чтобы разрушить структуру, которая требует от субъекта принадлежности к позиции.

* * *

В заключение хотелось бы сказать, что статьи, представленные вниманию читателя в этой рубрике, конечно же, не исчерпывают всего теоретического разнообразия и содержательной глубины современных дискуссий постмарксистских теоретиков о новых технологиях и трансформациях капитализма. На правах автора предисловия я позволю себе также заметить, что обсуждаемые в этих статьях теории и позиции не бесспорны, они подвергаются критике не только извне (со стороны «солюционистов», критиков постструктурализма и сторонников либеральной идеологии в широком смысле), но и со стороны исследователей, которые сами принадлежат к «левой фракции» современной критической теории, — я имею в виду феминистских авторов и постколониальных теоретиков. Так, американская исследовательница Мэри Хоуксуорт обращает внимание на то, что «онтологии множества», игнорируя расовый и гендерный аспекты политик сопротивления, обходят стороной вопрос о новых формах доминирования и сегрегации, в которых новые технологии играют не последнюю роль [Hawkesworth 2006].

Впрочем, ни одна теория не в состоянии решить все проблемы, а сама претензия на всеохватность и универсальность таит в себе соблазн тоталитаризма. Левые теоретики понимают это, быть может, лучше многих других, не скрывая собственной ангажированности и последовательно дезавуируя те дискурсивные механизмы, посредством которых «политическое бессознательное» стремится к созданию иллюзии когерентного и непротиворечивого знания об устройстве социальной реальности и предъявляет себя в качестве монопольного держателя акций на производство истины о мире.

Литература

Антониоли 2015 — *Антониоли М.* Эстетическая стадия производства/потребления и «революция времени по выбору» // Логос. Т. 25. № 3 (105). 2015. С. 121–137.

Бадью 2004 — *Бадью А.* Единица делится надвое. Эссе о Ленине // Синий диван. 2004. № 5. С. 76–82.

Вирно 2013 — *Вирно П.* Грамматика множества: к анализу форм современной жизни. М.: Ad Marginem Press, 2013.

Горц 2010 — *Горц А.* Нематериальное. Знание, стоимость и капитал. М.: Изд. дом Гос. ун-та — Высшей школы экономики, 2010.

Жижек 2011 — *Жижек С.* Размышления в красном цвете. Коммунистический взгляд на кризис и сопутствующие предметы. М.: Европа, 2011.

Кин 2016 — *Кин Э.* Ничего личного: Как социальные сети, поисковые системы и спецслужбы используют наши персональные данные для собственной выгоды. М.: Альпина Паблишер, 2016.

Маркс 1969 — *Маркс К.* Экономические рукописи 1857–1859 годов. Ч. 2 (Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 46. Ч. 2). М.: Гос. изд-во полит. литературы, 1969.

Маркс, Энгельс 1955 — *Маркс К., Энгельс Ф.* Немецкая идеология // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 3. М.: Гос. изд-во полит. литературы, 1955. С. 7–544.

Мулье-Бутан 2007 — *Мулье-Бутан Я.* Новое огораживание: информационные и коммуникационные технологии, или Ползучая революция прав собственности // Логос. 2007. № 4 (61). С. 199–229.

Нанси 2004 — *Нанси Ж.-Л.* Бытие единичное множественное. Минск: И. Логвинов, 2004.

Пензин 2006 — *Пензин А.* Паоло Вирно: «Грамматика множеств» как антропология капитала // Синий диван. 2006. № 8. С. 171–183.

Рансьер и др. 200 — Демократия как политическая форма. Беседуют Жак Рансьер, Жан-Франсуа Шеврье, Софи Ваних // № 1. Осень 2002. С. 125–129.

Рауниг 2005 — *Рауниг Г.* Несколько фрагментов о машинах / Пер. А. Скидана; Под ред. А. Пензина // Transversal. 2005. № 10. URL: http://eipcp.net/transversal/1106/raunig/ru.

Тимофеева 2005 — *Тимофеева О.* Жан-Люк Нанси. Бытие единичное множественное // Критическая масса. 2005. № 2. Цит. по электрон. версии. URL: http://magazines.russ.ru/km/2005/2/ti22.html.

Троцкий 1927 — *Троцкий Л.* Д. И. Менделеев и марксизм (Доклад четвертому Менделеевскому съезду по чистой и прикладной химии 17 сентября 1925 г.) // Троцкий Л. Сочинения. Т. 21: Культура переходного периода. М.; Л.: Гос. изд-во, 1927. С. 268–288.

Шваб 2016 — *Шваб К.* Четвертая промышленная революция. М.: Эксмо, 2016. Цит. по электрон. версии: http://bookz.ru/authors/klaus-6vab/4etverta_880/1-4etverta_880.html.

Andrejevic 2007 — *Andrejevic M.* iSpy: Surveillance and power in the interactive era. Lawrence, KS: Univ. Press of Kansas, 2007.

Badiou 1988 — *Badiou A.* L'Être et l'Événement. Paris: Seuil, 1988 (L'Ordre philosophique).

Dean 2010 — *Dean J.* Blog theory: Feedback and capture in the circuits of drive. Cambridge; Malden: Polity Press, 2010.

Floridi 2014 — *Floridi L.* The Fourth Revolution. How the infosphere is reshaping human reality. Oxford: Oxford Univ. Press, 2014.

Hardt, Negri, 2004 — *Hardt M., Negri A.* Multitude. War and democracy in the age of empire. New York: Penguin Press, 2004.

Hawkesworth 2006 — *Hawkesworth M.* The gendered ontology of *Multitude* // Political Theory. Vol. 34. No. 3. 2006. P. 357–364.

Nancy 1996 — *Nancy J.-L.* Être singulier pluriel. Paris: Galilée, 1996.

Penzin 2010 — *Penzin A.* The Soviets of the multitude: On collectivity and collective work // Mediations. Vol. 25. No. 1. 2010. P. 81–92.

Poster 2006 — *Poster M.* Information please! Culture and politics in the age of digital machines. Durham: Duke Univ. Press, 2006.

Raunig 2016 — *Raunig G.* Dividuum. Machinic capitalism and molecular revolution. Cambridge, MA: MIT Press, 2016 (Semiotext(e)).

Schiller 1999 — *Schiller D.* Digital capitalism: Networking the global market system. Cambridge, MA: MIT Press, 1999.

Ontologies of multitude, capital and the digital future: Notes on the margins

Ousmanova, Almira R.
PhD (Candidate of Science in Philosophy)
Professor, Department of Media,
European Humanities University
Lithuania, LT-01114, Vilnius, Tauro g., 12
Tel: +37052639655
E-mail: almira.ousmanova@ehu.lt

Abstract. This article is an extended preamble to the thematic section of the journal devoted to contemporary debates among post-Marxist theorists regarding the transformation of capitalism in the digital age. In tracing the continuity between classical Marxist ideas and contemporary approaches to the analysis of the interdependence of political regimes, economic processes and new technologies, the author pays special attention to the contextual clarification of those issues that are discussed in detail in the articles featured into this section.These include: What does the idea about the "liberation of labor" mean in the post-Fordist economy (or, "what's wrong" with the program of full automation of labor within the scenario of the Fourth Industrial Revolution)? How and why has the notion of "multitude" become a useful category of social analysis in post-Marxist theory? Last but not least, under the conditions of the capitalist status quo, can new technologies provide new opportunities not only for those who turn knowledge into yet another kind of commodity, but also for those who, either in theory or in practice, link the prospect of the liberation of knowledge with the "communist hypothesis".

Keywords: ontologies of the multitude, post-Marxism, cognitive capitalism, dividuum, hi-tech neoliberalism, ideology, society of control, the Fourth Industrial Revolution, labor

References

Andrejevic, M. (2007). *iSpy: Surveillance and power in the interactive era*. Lawrence, KS: Univ. Press of Kansas.

Antonioli, M. (2015). Esteticheskaia stadiia proizvodstva / potrebleniia i "revoliutsiia vremeni po vyboru" [The aesthetic stage of production/consumption and the revolution of a chosen temporality]. *Logos, 25*(3) (=105), 121–137. (In Russian).

Bad'iu, A. (2004). Edinitsa delitsia nadvoe. Esse o Lenine [Transl. from Badiou, A. Le siècle. Paris, Seuil, 2005 // *Sinii divan* [Blue sofa]*, 2004*(5), 76–82. (In Russian).

Badiou, A. (1988). *L'Être et l'Événement*. Paris: Seuil (L'Ordre philosophique). (In French).

Dean, J. (2010). *Blog theory: Feedback and capture in the circuits of drive*. Cambridge; Malden, MA: Polity Press.

Floridi, L. (2014). *The Fourth Revolution. How the infosphere is reshaping human reality.* Oxford: Oxford Univ. Press.

Gorts, A. (2010). *Nematerial'noe. Znanie, stoimost' i kapital* [Transl. from Gorz, A. (2003). *L'immatériel. Connaissance, valeur et capital.* Paris: Galilée]. Moscow: Izdatel'skii dom Gosudarstvennogoo universiteta — Vysshei shkoly ekonomiki. (In Russian).

Hardt, M., Negri, A. (2004). *Multitude. War and democracy in the age of empire*. New York: Penguin Press.

Hawkesworth, M. (2006). The gendered ontology of "Multitude". *Political Theory, 34*(3), 357–364.

Kin, E. (2016). *Nichego lichnogo: Kak sotsial'nye seti, poiskovye sistemy i spetssluzhby ispol'zuiut nashi personal'nye dannye dlia sobstvennoi vygody* [Transl. from Keen, A. (2015). *The Internet is not the answer*. London: Atlantic Books]. Moscow: Al'pina Pablisher, 2016. (In Russian).

Marks, K. (1969). *Ekonomicheskie rukopisi 1857–1859 godov* [Transl. from manuscripts on economy by K. Marx (1857–1859)], Part 2 = Marks, K., Engel's, F. [K. Marx, F. Engels]. *Sochineniia* [Works] (Vol. 46. Part 2). Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury. (In Russian).

Marks, K. Engel's, F. (1955). Nemetskaia ideologiia [Transl. from Marx, K., Engels, F. (1845–1846). Die deutsche Igeologie (Manuscript)]. In K. Marks, F. Engel's. *Sochineniia* [Works] (Vol. 3), 7–544. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury. (In Russian).

Mul'e-Butan, Ya. [Moulier-Boutang, Y.] (2007). Novoe ogorazhivanie: informatsionnye i kommunikatsionnye tekhnologii, ili Polzuchaia revolutsiia prav sobstvennosti [Transl. from Moulier-Boutang, Y. (2005). Les nouvelles clôtures: les NTIC ou la révolution rampante des droits de propriété. *Cahiers marxistes, 2005*(April/Mai), 21–50]. *Logos, 2007*(4) (=61), 199–229. (In Russian).

Nansi, Zh.-L. (2004). *Bytie edinichnoe mnozhestvennoe* [Transl. from Nancy, J.-L. (1996). *Être singulier pluriel*. Paris: Galilée]. (In Russian).

Nancy, J.-L. (1996). *Être singulier pluriel*. Paris: Galilée. (In French).

Penzin, A. (2006). Paolo Virno: "Grammatika mnozhestv" kak antropologiia kapitala [Paolo Virno: "A grammar of the multitude" as an anthropology of capital]. *Sinii divan* [Blue sofa], *2006*(8), 171–183. (In Russian).

Penzin, A. (2010). The Soviets of the multitude: On collectivity and collective work. *Mediations, 25*(1), 81–92.

Poster, M. (2006). *Information please! Culture and politics in the age of digital machines*. Durham: Duke Univ. Press, 2006.

[Rancière, J., Chevrier J.-F., Wahnich, S.] (2002). Demokratiia kak politicheskaia forma. Besediuiut Zhak Rans'er, Zhan-Fransua Shevr'e, Sofi Vanikh [Democracy as a political form. Discussion by Jacques Rancière, Jean-François Chevrier, Sophie Wahnich]. *№ 1. Politika, filosofiia, iskusstvo* [No. 1. Politics, philosophy, art], *2002*(Fall), 125–129. (In Russian).

Raunig, G. (2005). A few fragments on machines. *Transversal, 2005*(10). Retrieved from http://eipcp.net/transversal/1106/raunig/eng.

Raunig, G. (2016). *Dividuum. Machinic capitalism and molecular revolution.* Cambridge, MA: MIT Press (Semiotext(e)).

Schiller, D. (1999). *Digital capitalism: Networking the global market system*. Cambridge, MA: MIT Press.

Shvab, K. (2016). *Chetvertaia promyshlennaia revoliutsiia* [Transl. from Schwab, K. (2016). *The fourth industrial revolution*. New York: Crown Business]. Moscow: Eksmo. Retrieved from http://bookz.ru/authors/klaus-6vab/4etverta_880/1-4etverta_880.html. (In Russian).

Timofeeva, O. (2005). Zhan-Liuk Nansi. Bytie edinichnoe i mnozhestvennoe [Jean-Luc Nancy. Being Singular Plural]. *Kriticheskaia massa* [Critical Mass], *2005*(2). Retrieved from http://magazines.russ.ru/km/2005/2/ti22.html.

Trotskii, L. (1927). D. I. Mendeleev i marksizm (Doklad chetvertomu Mendeleevskomu s"ezdu po chistoi i prikladnoi khimii 17 sentiabria 1925 g.) [D. I. Mendeleev and Marxism. Report to the Fourth Mendeleev Congress on General and Applied Chemistry, held on 17 September, 1925]. In L. Trotskii. *Sochineniia* [Works] (Vol. 21: Kul'tura perekhodnogo perioda) [The culture of transition period], 268–288. Moscow; Leningrad: Gosudarstvennoe izdatel'stvo. (In Russian).

Virno, P. (2013). *Grammatika mnozhestva: k analizu form sovremennoi zhizni* [Transl. from Virno, P. (2001). *Grammatica della moltitudine. Per una analisi delle forme di vita contemporanee.* Soveria Manelli: Rubettino Editore]. Moscow: Ad Marginem Press. (In Russian).

Zhizhek, S. (2011). *Razmyshleniia v krasnom tsvete. Kommunisticheskii vzgliad na krizis i soputstvuiushchie predmety* [Reflections in the color red. A communist view on the crisis and related subjects] [Transl. from Žižek, S., various writings]. Moscow: Evropa. (In Russian).

Ousmanova, A. R. (2017). Ontologies of multitude, capital and the digital future: Notes on the margins. *Shagi / Steps, 3*(2), 154–167